

О ПРОЕКТЕ НОВОЙ РЕДАКЦИИ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

А. Х. Миндагулов,
доктор юридических наук, профессор
(Казахский национальный университет имени аль-Фараби
(Республика Казахстан, г. Алматы), главный научный сотрудник)

Основная идея разработки новой редакции Уголовного кодекса Республики Казахстан связана с пересмотром уголовной политики на основе Концепции правовой политики Республики на период до 2020 года. В частности речь идет о либерализации и гуманизации уголовного законодательства, о пересмотре системы уголовных наказаний в целях более широкого применения видов наказаний, альтернативных лишению свободы. Вера во всеислие кары уходит в прошлое. Отказ от концепции жесткого наказания в Европе произошел в 19 веке, а Казахстан только приступает к его решению. Стало очевидным, что применение наказания в виде лишения свободы было обусловлено в большей степени политическими соображениями, нежели поиском его эффективности.

Нет необходимости останавливаться на всех идеях и замыслах, нашедших отражение в Концепции, претворенной в новой редакции УК, большинство из них своевременны и заслуживают реального воплощения в новом УК. В целом соглашаясь с выводами и рекомендациями авторов Концепции и законопроекта, нельзя не отметить, что некоторые сохранившиеся нормы действующего УК и вновь выдвигаемые положения требуют внимательного изучения и критической оценки. Предметом особого внимания и более глубокого освещения, на наш взгляд, являются следующие вопросы.

Об уголовном правонарушении. Предстоящее кардинальное совершенствование уголов-

ного законодательства предполагает внесение изменений и дополнений в 57 действующих законодательных актов РК. В общей сложности число изменений и дополнений, связанных с вопросами совершенствования уголовного законодательства, составит 311. Первым в этом списке значится Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 30 января 2001 года. В него предполагается внести наибольшее число именно таких изменений и дополнений — **всего 147**. Но если быть точным, никаких изменений и дополнений в перечисленных законах и кодексах не произойдет, просто за редким исключением одно слово — «преступление» будет заменено другим словообразованием — **«уголовное правонарушение»**.

Прежнее название Раздела 2 УК — **Преступление** (ст.ст. 9–37) будет заменено на **Уголовные правонарушения** (ст.ст. 10–39). Это понятие становится ключевым, оно употребляется практически во всех статьях УК, но при этом не дается его определение. Видимо, не случайно. Если бы такая попытка была предпринята, выяснилось бы, что уголовное правонарушение означает то же самое, что и преступление. Всегда считалось, что УК это и есть совокупность деяний, признанных преступными. Теперь получается, что уголовный кодекс есть совокупность уголовных правонарушений, которые в зависимости от степени общественной опасности и наказуемости подразделяются на преступления и уголовные проступки (ст. 10).

Преступлением будет считаться совершенное виновно общественно опасное деяние (действие или бездействие), запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания в виде лишения свободы или смертной казни. Других видов наказания за преступления не будет. Иные уголовно-правовые деяния, не связанные с лишением свободы, отныне будут называться не преступлениями, а уголовными проступками. А что означает уголовный проступок? Таковым будет считаться умышленное деяние (действие либо бездействие), не представляющее большой общественной опасности, причинившее незначительный вред либо создавшее угрозу причинения вреда личности, организации, обществу или государству, за совершение которого предусмотрено наказание в виде штрафа, исправительных работ, привлечения к общественным работам, ареста, а также деяние, наказуемое с применением административной преюдиции. Выходит, что **уголовные проступки хотя и не представляют большой общественной опасности, а потому не являются преступлениями, все же признаются противоправными деяниями, а потому должны быть запрещены уголовным кодексом под угрозой любого вида наказания, кроме лишения свободы.** Невольно напрашивается, что это за деяния, которые, не будучи преступлениями, тем не менее запрещаются уголовным кодексом (ч. 3 ст. 10)? Наконец, в ч. 4 ст. 10 говорится, что не является уголовным правонарушением (т.е. **ни преступлением, ни уголовным проступком**) действие или бездействие, формально и содержащее признаки какого-либо деяния, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности. Другими словами, не причинило вреда и не создало угрозы причинения вреда ни личности, ни обществу, ни государству. Эта норма практически полностью воспроизводит часть 3 этой же статьи. **Как в таком случае разграничить уголовный проступок (не представляет большой общественной опасности, ибо причинил незначительный вред), который признается противоправным деянием, от деяния, тоже не представляющего общественной опасности в силу своей малозначительности, но который не признается уголовным правонарушением?** В чем отличие незначительного вреда от малозначительного? Что произошло в итоге манипуляций с новыми правовыми понятиями, не поддается осмыслению.

С точки зрения семантики (происхождения и смыслового значения слов) нет совершенно

никакого различия в понятиях «преступление», «уголовное правонарушение» и «уголовный проступок». Их следует рассматривать как синонимы. Под словом «уголовный» (уголовное дело, уголовный суд, уголовный закон, уголовный кодекс) подразумевается именно преступление и ни что иное. Не случайно в справочной юридической литературе (словарях, энциклопедиях) нет понятий «уголовное правонарушение» и «уголовный проступок». Так что и уголовное правонарушение, и уголовный проступок — тоже преступления. Правда уголовный проступок представляет малозначительное деяние, в силу чего оно не признается преступлением (ст. 9, ч. 2 действующего УК РК). Полагаю, что нет необходимости искусственного включения в язык закона спорных терминов во избежание недопониманий.

Попытка внедрения в уголовный кодекс двусмысленных понятий внесет много путаницы. Согласно общей теории права преступления и проступки объединяются общим понятием «правонарушения». Преступление признается наиболее опасным для общества деянием, все иные правонарушения (проступки) признаются непроступными и их принято классифицировать по отраслям права: административные правонарушения, гражданские правонарушения, трудовые правонарушения, процессуальные правонарушения, международные правонарушения. Что касается юридической ответственности за проступки, то они подразделяются на административные и дисциплинарные. Разумеется, словом «проступок» можно обозначать любое незначительное противоправное поведение, в том числе и преступное, но при этом надо помнить, что уголовный проступок это и есть преступление, хотя и не представляющее большой общественной опасности.

Об административной преюдиции. Связь кодекса об административных правонарушениях с уголовным законодательством, безусловно, имеется. Дело в том, что в новой редакции УК сохранился правовой институт так называемой административной преюдиции (ст. 12 законопроекта нового УК, в действующем УК это ст. 10-1) В чем его суть? Оказывается, в случаях, предусмотренных Особенной частью настоящего Кодекса, уголовная ответственность за уголовное правонарушение (т.е. не только преступление, но и уголовный проступок), не представляющее большой общественной опасности, наступает, если деяние совершено в течение года после наложения административного

взыскания за такое же административное правонарушение. Согласно этому правилу административное правонарушение, повторно совершенное одним и тем же лицом в течение года, меняет свое качество — из административного оно автоматически преобразуется в уголовное правонарушение со всеми вытекающими отсюда последствиями. Вот почему именно в этот Закон (КоАП РК) предполагается внести наибольшее число изменений, дополнений и исключений — всего 147. Причем полностью исключаются 63 статьи Кодекса, а из 16 статей извлекаются 26 отдельных норм (частей). Можно сказать — радикальное преобразование административного кодекса под видом соответствия предстоящим изменениям уголовного кодекса. Создается впечатление, что эти усилия направлены на то, чтобы постепенно стереть грани между уголовным кодексом и кодексом об административных правонарушениях. Этому в немалой степени способствует попытка включения в уголовный кодекс новых понятий: «уголовное правонарушение» и «уголовный проступок». Апофеозом всех предполагаемых преобразований является, конечно, административная преюдиция.

Возникает вопрос, на каком основании повторное совершение административного правонарушения вдруг перестает быть таковым, а переходит в категорию уголовных проступков (преступлений)? Нет этому научного объяснения. Не может вторично забеременевшая львица родить тигренка. Тут произошло явное смешение предметов правового регулирования различных отраслей права и законодательства, а также неверное истолкование правового понятия преюдициальность. Когда факты и правоотношения, установленные вступившим в законную силу решением и приговором суда, являются обязательными для всех судов при рассмотрении других дел — преюдициальность очевидна. Но вряд ли оправдано использование этого правила по аналогии при формулировании текстов законов. Не случайно в научной литературе введение в уголовный кодекс правил административной преюдиции вызвало резко негативную реакцию и рассматривается как вопиющее нарушение принципа законности.

Таким образом, институт административной преюдиции является ошибочным и от него надо отказаться при разработке новой редакции уголовного кодекса. Точно так же считаю нецелесообразным включение в УК новых понятий: «уголовное правонарушение» и «уголовный просту-

пок. Соответственно следует пересмотреть целесообразность внесения предлагаемых изменений и дополнений в Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 30 января 2001 года и другие законодательные акты.

О категориях преступлений. В ст. 11 выделяются категории преступлений в зависимости от характера и степени их общественной опасности. Характер и степень общественной опасности деяния, в свою очередь, определяются через тяжесть совершенного преступления — небольшой и средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие. Другими словами, самая высокая степень общественной опасности деяния соответствует особо тяжким и тяжким преступлениям, а средняя и небольшая степень общественной опасности соответствует преступлениям средней и небольшой тяжести. Получается такая метаморфоза: чтобы определить характер и степень общественной опасности, мы должны установить, какова тяжесть совершенного преступления. А тяжесть преступления определяется в зависимости от степени общественной опасности деяния. Одно определяется другим и наоборот. Дальше — больше. Оказывается, тяжесть преступления зависит не только от степени общественной опасности, но и от меры наказания. Во второй части этой же статьи читаем: «Преступлениями небольшой тяжести признаются умышленные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное настоящим Кодексом, не превышает двух лет лишения свободы, а также неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное настоящим Кодексом, не превышает пяти лет лишения свободы». А преступления будут характеризоваться как средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие, если максимальное наказание не будет превышать соответственно пяти, двенадцати лет или свыше двенадцати лет лишения свободы. Логика подсказывает, что определить тяжесть преступления можно только после вынесения приговора и определения срока лишения свободы, и не иначе. Все, как говорится, поставлено с ног на голову. Сначала выносится приговор с определением срока лишения свободы (альтернативы нет). Срок лишения свободы позволяет определить тяжесть совершенного преступления. А по тяжести преступления мы определяем степень общественной опасности деяния.

Спрашивается, какой же критерий является определяющим при установлении категорий преступлений — степень общественной опасности

деяния, тяжесть преступления или срок наказания? Попытка классификации преступлений, как и прежде, по критерию степени их общественной опасности нам представляется крайне неудачной. Его высокий абстрактно-теоретический уровень не всегда позволяет решать конкретные практические задачи. Разумеется, опасность любого уголовно наказуемого деяния определяется тяжестью преступления. Однако оба этих критерия останутся научными абстракциями до тех пор, пока не будут опираться на конкретные основания, позволяющие считать совершенное деяние опасным и тяжким. Таким критерием следует признать характер и размер причиненного объекту уголовно-правовой охраны вреда. Именно причиненный вред позволяет судить о тяжести преступления. Следующий шаг — это определение меры наказания, которая должна соответствовать тяжести преступления. Из сказанного со всей очевидностью вытекает прямая зависимость между характером и размером причиненного вреда и тяжестью преступления.

Таким образом, реальным основанием оценки тех или иных деяний (своего рода мониторинг) как общественно опасных является размер нанесенного вреда, он и должен служить объективным критерием выделения различных категорий преступлений.

О разъяснении некоторых понятий, содержащихся в настоящем Кодексе (ст. 9). Генеральная прокуратура объясняет, что это необходимо в целях (внимание!) определения терминов. Что имеется в виду под определением терминов, не объясняется. Идет перечень статей (частей, пунктов) УК, совершение которых следует рассматривать как: а) коррупционные преступления; б) экстремистские преступления и проступки. А далее называются виды причиненного ущерба по степени его возрастания: а) незначительный ущерб (незначительный размер); б) значительный ущерб (значительный размер); в) крупный ущерб (крупный размер); особо крупный ущерб (особо крупный размер) и далее дается перечень статей УК, в которых конкретизируется тот или иной вид ущерба. Для чего это сделано, понять невозможно. Наконец, делается попытка дать определение ряда случайно подобранных понятий: наемник; эксплуатация человека; другие механические транспортные средства; семейно-бытовые отношения и т. д. Затем дается перечень лиц, правовое положение которых, надо полагать, будет иметь значение при решении задач уголовного законодательства. Сначала объясняется, что такое должностное

лицо. Вслед за этим дается определение еще пяти понятий: 1) лицо, уполномоченное на выполнение государственных функций; 2) лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации; 3) лицо, занимающее ответственную государственную должность; 4) лицо, приравненное к лицам, уполномоченным на выполнение государственных функций; 5) лицо, занимающее лидирующее положение. Создается впечатление, что и эти понятия оказались в законопроекте случайно.

В этой же статье говорится о множестве понятий, связанных с совершением преступлений в группе. Действительно, сегодня многие преступления совершаются в группе — не только террористические акты и экстремистские выступления, но и преступления экономического характера, корыстной направленности с применением насилия, мошенничества, в сфере экологии и т. д. и т. п. Совершая преступления в группе, больше шансов достичь преступных замыслов и уйти от ответственности в случае разоблачения, переложив ее на других, в т.ч. путем пресловутой сделки о признании вины, а по существу сделки с правосудием. Вот авторы законопроекта и решили внести свою лепту в понимание различных преступных сообществ. Здесь, справедливости ради, надо выразить упрек в адрес ученых, занимающихся выделением различных классов преступных сообществ: нет научно обоснованных критериев их классификации. Что же мы видим в законопроекте? Предлагается разграничивать понятия: 1) организованная группа; 2) преступная организация; 3) преступное сообщество; 4) транснациональная организованная группа; 5) транснациональная преступная организация; 6) террористическая группа; 7) незаконное военизированное формирование. Однако остается загадкой, по каким признакам (основаниям, критериям) выделены эти преступные группы. Оказывается, преступная организация — это означает то же самое, что и организованная группа, но только структурно оформленная. Получается, что преступная организация структурно не оформлена, хотя, как сказано, представляет собой устойчивую группу из двух или более лиц. А что такое преступная группа? Вряд ли кто догадается. Ничтоже сумняшеся, авторы законопроекта решили просто-напросто дать перечень уже названных преступных группировок, присовокупив к ним еще три: транснациональное преступное сообщество, экстремистская группа и банда. Всего получилось 10. Вот такая хитроумная головоломка предлагается

вместо правовой нормы. К слову сказать, в статье 32 законопроекта — Уголовная ответственность за уголовные правонарушения, совершенные группой (явная тавтология, которая порождена двусмысленностью этого нового понятия, о чем уже сказано выше) — дается перечень всех указанных десяти преступных групп. Почему в этой статье и не раскрыть содержание указанных понятий?

О рецидиве преступлений (ст. 15 УК). Не понятно, почему эта статья названа одним словом «Рецидив» (рецидив чего — правонарушений или только преступлений), но нам представляется, что речь идет о рецидиве преступлений, поскольку по всему тексту этой статьи речь идет исключительно об этом. То же относится к ст. 60, где речь идет о назначении наказания при рецидиве именно преступлений. Таким образом, все другие виды преступлений, не связанные с лишением свободы, которые авторы законопроекта предлагают называть проступками, теперь не будут считаться рецидивом, даже при неоднократном совершении аналогичных преступлений и наличии за них судимостей.

Если по действующему УК рецидивом преступлений признается совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление, то по новому УК таковым предлагается считать совершение **тяжкого преступления, если ранее это лицо осуждалось с применением наказания в виде лишения свободы за совершение другого тяжкого преступления.** Этим самым авторы реализовали свою идею о признании рецидивом только повторное совершение тяжкого преступления. По мысли разработчиков законопроекта, такое решение позволит избежать излишнего ужесточения ответственности за преступления небольшой и средней тяжести. Конечно, можно подобным образом искусственно сузить рамки рецидивной преступности и говорить, что за пределами тяжких преступлений у нас нет рецидива. Но такой шаг был бы ошибочным. Разумеется, рецидив как повторение того, что было раньше, имеет место во всех видах преступлений; и чаще он происходит там, где законодатель и правоохранительные органы проявляют неэффективность своей работы. Другое дело, всякий ли рецидив заслуживает отягощения наказания? Авторы законопроекта остановились только на одном критерии — тяжесть преступления. На мой взгляд, этого недостаточно. Сегодня серьезной проблемой становится широкое распространение насилия над личностью, дорожно-транспортных,

коррупционных преступлений, преступлений в сфере экологии и т. д. Этот перечень можно продолжить. Распространенность отдельных видов преступлений, заодно их повторяемость (рецидив), обусловлена отсутствием надежной правовой защитой охраняемых ценностей: личности, собственности, окружающей среды. Подлинный гуманизм заключается не в искусственном сужении рамок рецидива преступлений, а в преодолении причин его распространения. Именно поэтому остаются сомнения в возможности реализации законопроектных решений. Во-первых, согласно п. а) ч. 1 ст. 55 законопроекта УК рецидив преступлений, несмотря на предлагаемые изменения, все-таки остается отягчающим обстоятельством, а эта норма пока сохраняется. Точно так же не планируется исключать из УК неоднократность преступлений (в законопроекте это ст. 12). Надо будет объяснить, почему рецидив преступлений должен быть подвергнут пересмотру с точки зрения смягчения наказаний, а неоднократность нет. Строго говоря, неоднократность преступлений — это тоже рецидив.

Во-вторых, все предлагаемые решения отнюдь не будут способствовать сокращению тюремного населения и нагрузке на бюджет, поскольку и опасный рецидив, и особо опасный рецидив — это тяжкие преступления, за которые предусмотрены сроки лишения свободы не менее 12 лет.

По новому УК предполагается, что рецидив преступлений признается опасным при совершении лицом тяжкого преступления, если ранее это лицо дважды приговаривалось к лишению свободы за совершение тяжкого преступления. Выходит, что если ранее это лицо уже осуждалось за тяжкое преступление и вновь совершило тяжкое преступление, то в такой личности еще нет опасного рецидива. Что касается особо опасного рецидива, то такового законодатель вообще не допускает, вероятно, руководствуясь гуманными соображениями.

Несколько замечаний по поводу назначения наказания при рецидиве преступлений (ст. 60 проекта УК РК). В части 2 этой статьи говорится, что срок и размер наказания при рецидиве не должен быть (в тексте законопроекта «не могут быть», что нам представляется неверным) ниже половины максимального срока и размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление. А при опасном рецидиве — не менее двух третей максимального срока и размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление.

С этой нормой можно было бы согласиться, учитывая опасность рецидива преступлений, если не одно «но». Дело в том, что это правило будет проигнорировано, если, к примеру, в процессе судебного разбирательства защита представит доказательства (надо полагать, это не вызовет для нее больших трудностей), что имеются исключительные обстоятельства, связанные с целями и мотивами деяния, ролью виновного, его поведением во время или после совершения преступления. Защита представит и другие обстоятельства, существенно уменьшающие степень общественной опасности деяния, в том числе приложит максимум усилий для заключения так называемого процессуального соглашения со стороной обвинения (или «сделки о признании вины» по американской терминологии), что будет расцениваться как активное содействие участника группового преступления раскрытию совершенных группой деяний. Именно об этом говорит ч.3 этой же статьи.

Когда речь идет о совершении вновь и вновь тяжких преступлений (новое определение рецидива), допустимо ли говорить об обстоятельствах, смягчающих его участь? Не перечеркивает ли это все усилия законодателя по борьбе с рецидивной преступностью? Думается, что в подобных случаях достаточно опираться на нормы ст. 56, где речь идет об обстоятельствах, смягчающих уголовную ответственность и наказание, в частности на п.п. л) и м) части 1 этой статьи.

Помимо уже сказанного, приходится еще раз обратить внимание на следующие обстоятельства. Принципиально невозможно исключить из уголовного кодекса общее определение понятия рецидива преступлений, это важнейший институт уголовного права.

Что касается мер наказания, то они существенно не изменятся, поскольку речь идет о совершении тяжких и особо тяжких преступлений. В принципиальном же плане вряд ли оправдано говорить о гуманизации наказаний в отношении опасных и особо опасных рецидивистов.

Об уголовном правонарушении, совершенном по неосторожности (ст. 22 УК). Уголовное правонарушение признается совершенным по самонадеянности, если лицо предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), но без достаточных к тому оснований легкомысленно рассчитывало на предотвращение этих последствий.

На мой взгляд, пора в корне пересмотреть позицию, согласно которой преступная самонадеянность представляет собой форму неосторожного преступления. Какая же эта неосторожность, если человек предвидит, к каким тяжелым последствиям могут привести его действия и, тем не менее идет на риск их совершения? Легкомысленными называют людей, совершающих необдуманные шаги. Самонадеянность характеризуется прямо противоположными чертами — продуманными действиями по преодолению запретительных норм, созданию опасных ситуаций. Да, он проявляет чудеса ловкости, силы, изворотливости, благодаря чему порой удается избежать худшего. Но чаще всего последствия печальны. Когда речь идет об охране интересов общества, государства, личности, самонадеянность надо рассматривать не как смягчающее, а как отягчающее обстоятельство. Самонадеянность — черта, отнюдь не характеризующая человека с положительной стороны, самонадеянный — значит выражающий пренебрежение к другим. Вряд ли оправдано самонадеянность рассматривать как форму проявления легкомыслия. Между этими поведенческими реакциями человека, как принято говорить, дистанция огромного размера. Большинство автодорожных происшествий со смертельным исходом происходят исключительно из-за преступной самонадеянности водителей. Лесные пожары, взрывы складов с оружием, авиакатастрофы и кораблекрушения, разрушение зданий с человеческими жертвами — все это и есть следствие преступной самонадеянности.

Полагаю, что надо сохранить только одну форму преступной неосторожности — небрежность, при которой человек из-за невнимательности, легкомыслия, отсутствия предусмотрительности допускает своими действиями наступление общественно опасных последствий своих действий (бездействия).

Осуществление оперативно-розыскных мероприятий или негласных следственных действий (статья 36). Законодатель считает, что не является уголовным правонарушением причинение вреда охраняемым настоящим Кодексом интересам, совершенное при выполнении в соответствии с законом оперативно-розыскных мероприятий сотрудником уполномоченного государственного органа либо по поручению такого органа иным лицом, сотрудничающим с этим органом. То же относится к деяниям, направленным на предотвращение, выявление, раскрытие или расследо-

вание уголовных правонарушений, совершенных группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или преступной группой, а также если причиненный вред охраняемым интересам менее значителен, чем вред, причиняемый указанными уголовными правонарушениями, и если их предотвращение, раскрытие или расследование, а равно изобличение виновных в совершении уголовных правонарушений лиц не могли быть осуществлены иным способом.

С точки зрения юридической техники, диспозиция изложена довольно пространно и в ней не просто разобраться. Но в данном случае дело даже не в этом. На мой взгляд, эта статья совершенно лишняя. Закон об оперативно-розыскной деятельности для того и был принят, чтобы в нем были определены рамки и пределы такой деятельности, в том числе весь набор диспозиций, перечисленных в анализируемой статье. При превышении субъектом преступления этих пределов и ограничений, он должен нести ответственность, если не будет доказано, что действовал в пределах необходимой обороны или крайней необходимости, а также обоснованного риска. Вот и все. .

Об уголовной ответственности юридических лиц. В прежней редакции нового УК были нормы, посвященные уголовной ответственности юридических лиц. По всему тексту предлагалось использовать понятие «физическое лицо», чтобы разграничивать от другого понятия — «юридическое лицо». Было много путаницы и авторы обсуждаемого законопроекта отказались от этой затеи. Однако проблема привлечения к уголовной ответственности юридических лиц все же остается и ее надо решать. Хотелось бы высказать свои соображения по этой проблеме.

На Западе при решении вопроса о привлечении к уголовной ответственности юридических лиц, благополучно обходятся без очередного внесения изменений и дополнений в действующие законы, прежде всего, кодексы. Там принимается специальный закон с целевым назначением, и он работает. Мы же, всякий раз при возникновении новой проблемы, пытаемся ее решить в рамках действующих законов и кодексов. Но какова должна быть исходная позиция для привлечения юридических лиц к уголовной ответственности, нами до конца не продумана. В итоге все сводится к тому, чтобы во всех преступных деяниях имущественного характера, если они совершались с использованием возможностей хозяйственных организаций,

фирм, корпораций, т.е. юридических лиц, ставить вопрос и об уголовной ответственности последних. Юридическое лицо якобы тоже способно совершать преступления. Мы не должны допускать смешения двух разных вещей: совершение преступления и ответственность за совершенное преступление. Совершает преступление только человек, ответственность же за это может нести не только он, но и те структуры, которые он создает для достижения своих преступных замыслов. Это могут быть не только преступные сообщества (организованные преступные группы), но и юридические лица. Они, являясь субъектами гражданско-правовых отношений и находясь под надежной правовой защитой государства, концентрируют материальные ценности и финансовые ресурсы (движимое и недвижимое имущество) людей, их создавших. И если действия юридических лиц представляют общественную опасность для общества (загрязнение окружающей среды, нанесение имущественного вреда субъектам уголовно-правовых отношений), естественно, возникает вопрос об уголовной ответственности не только человека, совершившего преступление, но и юридического лица. Уголовная ответственность юридического лица носит опосредованный характер.

В принципиальном плане ставить и решать вопрос о привлечении к уголовной ответственности юридических лиц не подвергается сомнению. Все дело в том, каков должен быть подход к решению этой действительно важной проблемы. Попытка привлечения к уголовной ответственности юридических лиц путем внесения изменений и дополнений в действующие законы и кодексы (прежде всего, гражданский, уголовный и уголовно-процессуальный), следует признать неудачной из-за необходимости коренного пересмотра многих фундаментальных положений Общей и Особенной частей этих кодексов. Правильнее было бы принять самостоятельный Закон «Об уголовной ответственности юридических лиц». Но этому препятствует запрет принимать любой закон об уголовной ответственности вне рамок уголовного и уголовно-процессуального кодексов (ст. 1 УК РК и ст. 1 УПК РК). Выход только один, надо отказаться от этого ошибочного положения и такой запрет снять. Это позволило бы в дальнейшем избежать проблем систематического обновления УК и других кодексов и законов, технико-юридических трудностей из-за постоянного изменения нумерации глав и статей и т. д.